

даже их отсутствие не снимает этой необходимости. Доказывается наличие шаманского комплекса и без шамана, а в определение шаманизма включается осуществление этой связи лишь определенным лицом. От определения шаманизма остается ритуал, который во второстепенных моментах тоже различен, но должен обязательно быть направлен на реализацию коммуникативных отношений духи (боги) — люди. Типологические сходства обнаруживаются у широчайшего круга народностей.

Весь материал, просмотренный под определенным углом зрения, очевидно, не вменяется в рамки данного ему автором определения. Прделанная работа гораздо шире. В действительности, она совершенно по-новому ставит проблему содержания термина «шаманизм». По-видимому, перед нами различные формы проявления миропонимания-деятельности, часто сохраняющие черты более раннего времени. Для доклассовых обществ трудно говорить о том, что в одном случае мы имеем дело с религией, а в другом — со сложившейся картиной мира. Традиционно принято называть это недифференцированное единство религией, племенными религиями, традиционными верованиями и культурами, формами религии и т. п. Такой подход оказывается неудобным при исследовании ранних обществ, так как он имплицитно предполагает наличие в тех же обществах «не религии». И хотя весь ход исторического развития приводит к такому разделению, но по отношению к ранним представлениям о мире он, как кажется, даже неправилен. Если мы будем выделять особые шаманские представления, то почему бы нам не выделить особые представления охотника, земледельца, сказочника, знахаря или, например для Сибири, кузнеца с проецированием их взглядов в какой-нибудь «знахаризм» или «кузнецизм»? Все эти лица — специалисты каждый в своей области, отражающие в основных чертах в практической деятельности общее представление о мире. Но они могут иметь свои особые специальные знания, особые профессиональные приемы, и, чем больше они ритуализированы, тем дольше сохраняются. В этом отношении может быть имеет смысл называть шаманизмом только то состояние развития, когда шаман уже выделился, выражена его профессионализация? Ведь специализация как следствие предполагает относительно быстрое развитие этой области. Тогда особенности более высокого уровня знания начинают накладывать отпечаток на определенные сферы деятельности общества, обслуживаемого специалистом. Здесь уже предполагается некоторая разница между элементами массового мировоззрения и исключительно шаманскими. Основные положения в каждый данный момент будут общими, представления о трехчленности мира — тоже. Разница между народными и профессиональными представлениями будет различной в каждом конкретном историко-культурном ареале, что и создает пеструю картину, наблюдаемую этнографами. В процессе не только развития этого явления, но и изменения каждого конкретного общества с присущей историческому развитию неравномерностью шаман-профессионал может занять иное общественное положение. В частности, может стать официальным проводником идей при дворах правителей в раннеклассовых обществах. В свою очередь он будет накладывать определенный отпечаток на народное мировоззрение и стремиться его подчинить «государственным целям». В этом случае такое лицо, уже значительно измененное, выходит на уровень проводника официальных идей — государственной религии. Может быть, поэтому так сложно явления шаманства в одних обществах относить к религии, а в других не относить к таковой? Не принимаем ли мы часто общенародные представления за исключительно шаманские?

По-видимому, споры о соотношении религии, магии, шаманизма, мифологического мышления и т. п. не иссякнут, пока не будет выработана теория развития ранних этапов взглядов на мир, их стадийных, эволюционных или иных изменений, в которую как часть войдет теория религии, ее постепенного противопоставления «не религии», расцвета, упадка под натиском «не религии». Монография Е. В. Ревуненковой, значение которой намного превышает то, какое отведено ей автором своими определениями, вносит существенный вклад в решение этой междисциплинарной проблемы со стороны науки этнографии. Методика доказательств и выводы, к которым пришел автор, долго не потеряют своего значения, и каждый, кто займется вопросами шаманства, не сможет пройти мимо этой книги.

Г. Н. Грачева

НАРОДЫ АФРИКИ

Г. С. Киселев. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия). М.: Наука, 1981. 223 с.

Книга Г. С. Киселева содержит исследование ряда важнейших аспектов истории одного из крупнейших народов Африки — хауса. Три основные темы стали предметом пристального внимания автора: этногенез хауса; классово- и политогенез (формирование хаусанских государств); исторические судьбы хауса и их государств вплоть до фульбского джихада в XIX в.

Книга состоит из «Введения», четырех очерков и «Заклучения», примечаний и библиографии.

Первый очерк — «Источники и историография» — посвящен обзору и критике источников и литературы. Г. С. Киселев охарактеризовал основные группы источни-

ков: записи устной исторической традиции хауса, местные письменные источники, данные этнографических исследований и археологические материалы. Поскольку источников, в общем мало и они в большинстве своем бедны данными, необходимыми для той реконструктивной работы, которой посвятил свои усилия автор, перед ним стояла задача «выжать» из них максимум возможного, оставаясь при этом, разумеется, на строго научных позициях. Г. С. Киселев с профессиональным искусством справляется с этой задачей. Так, даже источник, многократно использованный хаусоведами и в то же время явно не очень ценный с точки зрения исторической достоверности, — легенду о «Семи хауса» — автор, показав, что она неразрывно связана с другим устным источником — генеалогиями правителей, «заставляет» полноценно работать и при построении его схемы сложения хаусанского этноса, и при анализе социальной истории этого народа.

Историографический раздел этого очерка содержит немногословные, но серьезные и точные характеристики основных работ по истории и этнографии хауса. Критикуя ошибочные или несостоятельные теории, мысли, взгляды зарубежных авторов по тем или иным вопросам, Г. С. Киселев всегда сохраняет уважительное отношение к серьезному научному поиску своих предшественников, подчеркивает все позитивное, представляющее интерес, даже если в принципе он с автором не согласен (см., например, на с. 48—50 анализ работ М. Смита).

Содержание второго очерка — «Проблемы этногенеза хауса» — исследование проблемы этногенеза хауса. Опираясь на обширные материалы лингвистики, археологии, этнографии, истории (и особенно полученные в последние десятилетия), Г. С. Киселев убедительно, на мой взгляд, обосновывает «неприемлемость предположений о недавнем образовании хауса как этноса» (с. 57). Сложение хаусанского этноса, как показывает автор, было длительным, многовековым процессом, а не произошло в результате какой-то единичной миграции, хотя миграции и занимали в этом процессе определенное место. Основу хаусанского этноса составили чадоязычные племена Центральной и Южной Сахары, относимые к южной группе народов, говорящих на прасемито-хамитских языках, которые мигрировали в Центральный Судан в I тысячелетии до н. э. (в антропологическом отношении — негроиды); в дальнейшем на эту основу «накладывались», разнообразно и длительно с ней взаимодействуя, другие этнические компоненты — бербероязычные и тедаязычные группы, а также насельники Восточного Судана. Формирование хауса как народа рисуется Г. С. Киселевым как часть большого этногенетического процесса в громадном Сахаро-Суданском регионе. И это, конечно, единственно верный подход к проблеме, вполне отвечающий традициям изучения этногенеза, сложившимся в советской этнографической науке, суть которых — последовательный историзм и комплексное исследование этнической истории народов.

Анализируя и сопоставляя различные данные источников и выводы занимавшихся данной проблемой ученых, Г. С. Киселев уверенно полемизирует с самыми крупными авторитетами. Пример тому — вопрос о правомерности отождествления с хауса, живших у оз. Чад ал-худи (упоминаемых арабским автором IX в. ал-Иакуби). Д. А. Ольдерогге — противник такого отождествления; Л. Е. Куббель, читающий этот этноним как «аль-хаусин», — его сторонник, как и ученый из ФРГ Д. Ланге. Г. С. Киселев, отметив, что прямых свидетельств в пользу такого прочтения нет и не отрицая в принципе его правомерность, считает, однако, более точным мнение, что сведения ал-Иакуби — не первое упоминание хауса в арабской историографии, а «экстраполяция арабскими учеными этнонима, по-видимому, наиболее мощной этнической группировки на весь конгломерат родственных групп, населявших территории между Нигером и оз. Чад» (с. 64).

Очерк третий — «Возникновение хаусанских государств» — исследование процесса классово-политогенеза у хауса — занимает центральное место в книге.

Автор хорошо знаком с общей теорией вопроса, конкретный анализ он предваряет характеристикой дискуссионных вопросов проблемы происхождения государственности. Специфической чертой этого процесса в обществах Тропической Африки, в отличие от «европейской модели», является, по мнению многих советских, а также ряда зарубежных ученых, то обстоятельство, что здесь государственность возникала прежде всего в результате монополизации функций общественного управления родоплеменной, общинной верхушкой, т. е. на основе такой социальной стратификации, где основное значение имело не имущественное расслоение, не монополизация собственности на основные средства производства, а разделение труда на производительный и управленческий. Хотя на возможность такого развития общества указывал еще Ф. Энгельс¹, конкретный материал, полученный в XX в. при изучении многих обществ, в том числе едва ли не всех обществ Тропической Африки, создал для историков-марксистов проблему, которую можно сформулировать как возникновение государства при отсутствии частной собственности и общественных классов в их, так сказать, «обычном» виде. Основные взгляды участников обсуждения этой проблемы специалистам хорошо известны. Г. С. Киселев обоснованно разделяет один из принципиальных выводов этой дискуссии — о поливариантности путей сложения раннеклассового общества и государства, о методологической ошибочности судить о природе складывающихся классов в специфических условиях разных регионов мира по европейской модели, и в частности по модели развития буржуазного общества. Неправоммерно, считает Г. С. Киселев, отрицать наличие в обществе классовой структуры только из-за отсутствия в нем частной собственности; в докапиталистическом обществе основу классовых отношений следует искать «в далеко зашедшем общественном разделении

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 183—186.

труда, соответственно значительной социальной стратификации и, главное, в сложении системы стабильной эксплуатации, отношений господства — подчинения» (с. 89). На этом этапе социального развития, продолжает автор, возникает и государственная организация.

Солидаризируясь с изложенной выше (конечно, крайне схематично) теорией, Г. С. Киселев в своем конкретном анализе путей сложения государства и классового общества приходит к ней в результате своего исследования, идя от конкретных фактов к обобщениям. И тем ценнее, естественно, его выводы, которые подтверждают установленные уже закономерности или обогащают новыми материалами и мыслями те интересные идеи, которые были выдвинуты в ходе дискуссии.

Самый ранний этап, мало-мальски доступный реконструкции, — в то же время самый трудный для таковой из-за явного недостатка и отрывочности сведений в имеющихся источниках. Г. С. Киселев полагает, что на территории, занимаемой ныне хауса, в первые века II тысячелетия земледельческие общины сложились в сравнительно мелкие общинно-потестарные образования во главе с общинно-родовой верхушкой; «более того, налицо были элементы не только надобщинной политической структуры, но и известной институционализации власти ее руководителей в лице верховного жреца-вождя» (с. 104). Это, резюмирует автор, и был «отправной пункт» процессов политико-классогенеза у хауса. Соглашаясь в принципе с данным выводом, не могу, однако, не заметить следующее. В своих построениях Г. С. Киселев вынужден опереться на этнографические источники, прибегнув к методу этнографической ретроспекции. Этот метод, который уже давно используется в науке, получил, как известно, признание и теоретическое обоснование. Однако применять его следует, думается, с очень большой осторожностью; и хотя Г. С. Киселев, как правило, проявляет это качество, мне кажется, есть смысл еще раз подумать, насколько могут быть репрезентативными современные данные по отставшим в своем развитии группам хауса (общины «язычников» магузава) для реконструкции социальных структур начала нашего тысячелетия. При всей застойности, консерватизме суданских обществ такой срок достаточно большой, чтобы предположить немалые изменения и даже определенное развитие в любом обществе, особенно в новое и новейшее время.

Катализатором дальнейшего развития явилась, по мнению автора, смена (в XIII в.) правящих династий. Справедливо отвергая крайности «теории завоевания» как решающего фактора политогенеза, Г. С. Киселев в то же время закономерно отмечает существенный факт значительного усложнения социальной структуры в результате завоевания или миграции: «Вытеснив или уничтожив руководящий слой древнехаусанских общинных образований во главе с верховным жрецом-вождем, мигранты заняли его место, но тем самым в силу ...особенно высокой социальной позиции, а также иноэтнического происхождения они значительно способствовали институционализации надобщинных политических структур, уже ...имевшихся в обществе древних хауса» (с. 108). Г. С. Киселев показывает, что классовообразование и формирование государственности у хауса было сложным, многосторонним процессом. Происходит постепенное объединение земель вокруг наиболее сильных центров, появляются новые формы социальной организации и новые системы эксплуатации, новые этносоциальные структуры, формируются новые этнические общности, складывается историческая территория хаусанского этноса, возникают вождества — предгосударственные политические структуры. Исследование взаимосвязи социального и этнического в развитии хауса — один из интересных и ценных разделов книги Г. С. Киселева.

Проникновение ислама (с конца XIV в.), интенсификация торговли со многими областями Судана и Сахары дали новый импульс социально-экономическому, культурному, политическому развитию хаусанских городов и вождеств. На рубеже XVI в., показывает автор, в наиболее развитых вождествах власть правителей трансформируется в царскую власть — начинается формирование раннегосударственной организации. При этом Г. С. Киселев опровергает распространенную в африканистике идею о ранних хаусанских государствах как городах-государствах. Он показывает, что источники не дают оснований для такого вывода; государства здесь образовывались на основе вождеств, центры которых превращались в столицы (с. 146—149). Что касается раннеклассового общества, которое в этот период складывалось у хауса, то оно определяется автором как феодальное (стадиально — как ранний этап феодальной формации). Этот вывод, один из самых важных в исследовании, вполне логичен; однако опирается он, к сожалению, в значительной мере на «умозрительную» аргументацию, что отметил, кстати, и сам автор, касаясь одного из аспектов своих рассуждений на эту тему (с. 156). Здесь сказались прежде всего крайняя скудость источников по данной проблеме и дискуссионность, теоретическая неразработанность многих ее аспектов.

Очерк четвертый посвящен истории страны хауса в XV—XVIII столетиях. Автор исследует как внутренние связи и взаимодействие городов и областей хауса, так и их отношения с окружающим миром — экономические, политические, культурные. Особое место в этом комплексе отношений принадлежит распространению ислама в хаусанских землях. Г. С. Киселев прослеживает влияние на хауса крупнейших держав средневекового Судана — Мали, Сонгаи, Борну; особенно тесными и многообразными были связи с Борну.

В контексте этих отношений автор вскрывает специфику контактов «центр — периферия», которые сложились в XV—XVI вв. в Африке севернее экватора: для развитых классовых обществ Северной Африки страны хауса были дальней периферией, ближайшей же было государство Борну, которое в свою очередь выступало в качестве «центра» по отношению к хаусанским землям; последние играли подобную роль для

своих южных соседей. Участие стран хауса в торговле невольниками (хауса захватывали их в своей южной, доклассовой периферии и переплавляли в Борну, откуда «живой товар» шел дальше на север) стимулировало в этот период их социально-экономическое развитие.

Таким образом, преобладающей в комплексе контактов «страны хауса — Борну» была не регрессивная, а прогрессивная тенденция. Это — важное дополнение к той характеристике контактов «центр — периферия», которую сделал Л. Е. Куббель².

Специальный раздел автор посвятил расцвету хаусанских земель (особенно Качины и Кано) в XVII в., когда после падения государства Сонгай в страны хауса переместились и основные операции транссахарской торговли, и центры исламской культуры Западного Судана. Значительным явлением стал в XVII—XVIII вв. расцвет «молдых» государств хауса — Замфары и Гобира. XVIII в. был временем наивысшего развития хаусанских стран, и прежде всего Качины и Кано, в период до возникновения в начале XIX в. на территории хауса халифата Сокото.

Нельзя не отметить, что третий и четвертый очерки посвящены темам, которые практически еще не разрабатывались в советской африканистике, что само по себе уже определяет их значение. Но ценность их, как и всей книги, конечно, не только в этом. Перед нами основательный, интересный труд, мимо которого, думается, не сможет пройти в ближайшие десятилетия ученый, работающий в области этнической или социально-политической истории Западного и Центрального Судана (не говоря уже о хаусоведах). Ибо Г. С. Киселев в своих «Очерках» на основе тщательного, нередко скрупулезного анализа источников и внимательного, строгого и объективного одновременно прочтения имеющейся литературы не просто дал последовательное свое изложение и толкование некоторых крупных вопросов хаусоведения, но и сумел органично связать их с важнейшими проблемами современной исторической науки.

С. Я. Козлов

² Куббель Л. Е. Африка.— В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М.: Наука, 1978.